

ЛЮБОВЬ ТЕРУНИЦА

СУПРУЖЕСКАЯ
ОТНОШЕНИЯ БИЗНЕС

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Любовь Перуница

Супружеская бизность

<https://litres.ru/74221533>

Аннотация

Им было что терять. Им есть что делить. Но есть ли что спасать?

Шестнадцать лет брака. Четверо детей. Два успешных бизнеса. Со стороны — жизнь-мечта. Изнутри — жизнь на грани. Элина тонет в материнстве и рутине, Андрей сбегает в работу. Их брак, как осенний сад, медленно увядает, и кажется, тепла уже не хватит, чтобы пережить зиму.

Когда в жизни каждого появляется тот, кто готов дать простое решение и ложку внимания, а опека стремительно врывается в их жизнь, чтобы отнять детей, семья Серебровых оказывается перед выбором. Потеряться в объятиях на стороне, погрязнуть в склоках с родственниками или собрать всю свою волю, чтобы сразиться за самое главное — за друг друга и за своих детей.

«Семейная бизность» — пронзительная история о семейном кризисе, который сильнее любви, и о любви, которая сильнее любого кризиса.

Содержание

Глава 1 - Холод	4
Глава 2 - Как на войне	10
Глава 3 - Королева в мятой короне	15
Глава 4 - Убежище в дереве	20
Глава 5 - Не питать ложных надежд	27
Глава 6 - Тень сомнения и заточение	37
Глава 7 - Испытание	43
Глава 8 - Ресурс иссяк	51
Глава 9 - Скорая помощь	60
Глава 10 - Так себе долг	65
Глава 11 - Зыбучие пески	71
Глава 12 - Армагеддон	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Глава 1 - Холод

ОСЕННЕЕ ОХЛАЖДЕНИЕ

*Она: я не справляюсь
 Он: ты меня не видишь*

Холодное осеннее утро в этом году выдалось на редкость пасмурным. Туман, словно одеяло, каждое утро накрывал землю, и сегодня не был исключением. Где-то там, за этими стенами, шумела жизнь, а здесь, внутри, царила тишина, нарушаемая лишь моим дыханием и сопением ворочающегося сына.

Несмотря на тепло в спальне, меня изнутри пробирал озноб. Он не снимается ни шерстяными носками, ни кашемировым пледом. По плечам бегали мурашки, а душу сковывала ледяная тоска. Я качала на руках Егора, младшего сына, который ни в какую не хотел проваливаться в глубокий сон. Моя спина ныла от многочасового стояния, а веки слипались.

Егору восемь месяцев, и сейчас у него активно лезут зубы, поэтому я уже третью ночь почти не сплю. От этого мир потерял краски, стал плоским и раздражающим. Звук капающей из крана воды мог довести до истерики, а равномерное дыхание спящего мужа — до бешенства.

Интересно, который час? Эта мысль билась в голове навязчивым ритмом, смешиваясь с ритмом укачивания. Если посмотреть на телефон — свет бросится в глаза и оконча-

тельно разгонит сон. Если нет — тревога будет нарастать, отнимая последние силы.

Я вдыхала сладкий, молочный аромат его макушки, и на душе становилось капельку легче. Это как глоток воды в пустыне — не спасает, но дает передышку. Но спать хочется нещадно. Каждой клеткой тела.

Подойдя к окну и потихоньку покачиваясь, я наблюдала за пробуждающейся природой. Птицы начинали перекликаться, туман потихоньку оседал, обнажая промокший, пожелтевший газон. Небо светлело, и солнце посылало первые робкие лучи, которые еще не грели, а лишь подчеркивали унылость пейзажа.

Который час? Имеет ли смысл продолжать укачивать? Может, он уже почти уснул?

Сделав осторожное па, я высвободила одну онемевшую руку, отодвинула тюль и приоткрыла створку. Резкий порыв холодного, свежего воздуха обжег лицо, наполнил легкие остротой. Но мурашки побежали с удвоенной силой. Я резко захлопнула окно и повернулась к мужу.

Андрей мерно посапывал, укутанный в свое отдельное теплое одеяло, отгороженный от меня и моих ночных бдений не только тканью, но и невидимой, прочной стеной в виде крепкого сна. Вот кому сейчас хорошо... В горле встал ком. Мысли понеслись по накатанной колее: а когда в последний раз он вставал к ребенку? Когда я могла позволить себе просто так, не думая ни о чем, выспаться?

Меня одолевала такая тоска, что слезы подступали к горлу. Ощущение, что мы не касались друг друга вечность. Бог с ним, с сексом — его не было в нормальном понимании с тех пор, как я родила четвертого ребенка. Простое, человеческое касание тоже исчезло из моих будней.

Когда мы в последний раз обнимались просто так, не потому что «пора бы»? Целовались не на показ, перед гостями? Держались за руки без повода, просто идя по улице? Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить. В памяти всплывали обрывки: его рука на моей талии на каком-то корпоративе два года назад, быстрый поцелуй в щеку утром перед работой... Все было казенным, обязательным. Не потому что «не могу иначе», а потому что «так надо».

Непреодолимое желание прикоснуться к нему, прямо сейчас, пробить эту стену, смешалось с жгучей усталостью и нервозностью от недосыпа. Рука сама потянулась к нему. Я нежно коснулась его плеча, ощутив под пальцами теплую кожу и твердые мышцы.

Он такой же, как раньше. А я?

Провожу рукой сильнее. Еще увереннее. И вот я уже не глажу, а трясую здорового мужика за плечо.

— Андрей! Андреей! Я больше не могу, покачай сына, пожалуйста.

В ответ — тишина, прерываемая лишь его ровным дыханием. Он даже не шевельнулся. Бессилие, острое и ядовитое, подступило к горлу.

— Андрей! — я рывкнула, не сдерживая нервного напряжения, что копилось все эти дни, недели, месяцы. В этом крике была вся моя усталость, обида и страх, что я с этим не справлюсь.

Егорка зашевелился, захныкал, испуганный резким звуком. Ну вот, теперь точно не уложишь. Проклятая истерика пульсировала у меня в висках.

Андрей разлепил глаза и, смотря на меня сквозь пелену сна, с неохотой перевернулся на живот, отворачиваясь.

Совсем охренел? — пронеслось у меня в голове, горько и зло. *Тебе на нас вообще плевать?*

— Подъем!!!

 — Боже, родная, — буркнул он сонным, сиплым от сна голосом. — Чего ты так громко?

 — Я. Хочу. Спать. — чеканила я, повышая голос сквозь нарастающий плач ребенка.

 — Понял, понял, — словно медведь после спячки, Андрей медленно, с неохотой поднялся. Он поправил пижамные штаны, накинул скомканный халат на стуле и, не глядя на меня, на ребенка, ушел из комнаты, притворив за собой дверь.

Прошло, по ощущениям, минут пятнадцать. А может, тридцать. Время в состоянии полного истощения текло иначе. С орущим на руках сыном, чей плач теперь был направлен исключительно на меня, я подошла к двери туалета.

— Андрей!! Ну сколько можно?!

Ответом мне послушался лишь смыв воды, доносящийся из-за двери. И тогда я все поняла. Он сидел в телефоне. Про-

сто переживал в туалете, пока я сама не справлюсь. Щелчок, и что-то во мне окончательно сломалось. А я поняла, что сейчас заснуть уже не смогу.

Спустя час я, спускаясь на кухню, застала картину, которая была точной метафорой нашего брака. Андрей, уткнувшись в экран телефона, одной рукой наливал в чашку воду из фильтра, даже не включив чайник. Он стоял ко мне спиной, полностью погруженный в какой-то свой, отдельный мир. Егор, увидев его, протянул ручонки и захныкал с явной ноткой обиды — он искал отца.

— Ты хотя бы чайник поставил? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло и устало, как у старухи.

Он вздрогнул, оторвался от телефона. Его взгляд был пустым, невыспавшимся, и в нем не было ни капли раскаяния.

— Сейчас, — буркнул он автоматически и, наконец, переведя взгляд на сына, неуверенно потянул к нему руки. — Давай его сюда.

Я отдала. Но какая-то иррациональная, острая жалость к ребенку, которому сейчас не достанется нужного внимания от сонного и неловкого папы, смешалась с диким, животным раздражением.

Прошло буквально три минуты, как Андрей взял на руки сына, и тот захныкал, просясь обратно ко мне. Я видела, как муж начинает раздражаться, злиться.

— Не злись. Я сама, — сказала я, прижимая Егора к себе

так, словно кто-то хотел его отнять.

Мы застыли посреди холодной кухни в утренних сумерках — я с ребенком на руках, он с пустой чашкой, между нами — не больше метра пола, которые ощущались как пропасть. И в этот момент до меня дошло с пугающей, обжигающей ясностью.

Это не просто усталость от недосыпа с младенцем. Это — одиночество. Хуже того: это одиночество вдвоем, в одном доме, в одной постели. Это чувство, что ты остаешься один на один с самой тяжелой битвой, а твой главный союзник спит в одной постели с тобой.

— Ладно, — я повернулась, чтобы уйти обратно в нашу спальню. — Иди спать.

Он не стал упрашивать, не спросил «А ты?», не предложил помочь. Не сказал «Я тебя люблю», чтобы растопить лед в моей груди. Просто кивнул с облегчением и пошел назад, в тепло нашей постели, которая уже давно перестала быть нашей.

А я осталась одна на просторах тихого, огромного дома, с комом в груди, который с каждым утренним лучом солнца становился все тяжелее и невыносимее.

Глава 2 - Как на войне

Тот короткий промежуток, когда Егор наконец успокоился и даже улыбался, растянулся на целых сорок минут. До этого не успела прилечь, только выпить чай и молча постояла у окна, наблюдая, как солнце пытается пробиться сквозь упрямый осенний туман. Потом в доме началось землетрясение.

Первым, как всегда, поднялся Артем — мой средний сын. Его можно было не слышать, а чувствовать — тяжелый топот, грохот падающего со стула ранца, возня в ванной, словно там не зубы чистят, а дерутся с щеткой и пастой не на жизнь, а на смерть. Потом, словно отголоски, слышались шаги Полины — старшей дочери, и её постоянное сопровождение последнего года — непрекращающееся ворчание. Легкая, танцующая походка Алисы — младшей дочки. Утро начиналось не с кофе, а с нарастающего гула, и я, словно дирижер вышедшего из-под контроля оркестра шмелей, глубоко вздохнула и пошла на кухню.

— Мам, а где мой атлас? — тут же налетел Артем, его волосы торчали в разные стороны, а в глазах читалась паника заученного отличника. — Мне на географию!

— Он у тебя на столе, под футболками, — автоматически ответила я, одной рукой доставая с верхней полки коробку с хлопьями, другой придерживая веселящегося на плече Его-

ра. — Я вчера видела.

Полина уже сидела за столом, уткнувшись в телефон. На ней была черная толстовка, и вся ее поза кричала «не трогайте меня». Алиса, напротив, вихрем влетела на кухню в ярко-розовом платье и сразу начала капризничать:

— Я не буду эти хлопья! Они противные! Я хочу блинчики!

— Блинчики будут в субботу, солнышко, — голос мой звучал ровно, но внутри все закипало снова. — Сейчас ешь, что есть.

В этот момент раздался звонок. Няня, Катерина. Девушке двадцать три года, она замечательно ладит с детьми и очень помогает. Но, очевидно, не сегодня. Голос у нее был виноватый и простуженный.

— Элина Гергиевна, я так простудилась, голова кружится, сегодня никак не смогу...

Я закрыла глаза, прислонившись лбом к холодной дверце холодильника. Мир рушился.

— Ничего, Катя, поправляйтесь.

Повесив трубку, я набрала номер матери. Занято. Све-кровь не брала трубку. Отчаянная надежда таяла с каждой секундой. Я оставалась одна на поле боя.

На кухню, пахнущую кофе, вышел Андрей. Безупречный в своем свежееотглаженном костюме. Он поставил на стол портфель и бросил на меня быстрый взгляд.

— Опять не спит? — кивнул он на Егора.

— Спит, но очень беспокойно. Я без сил. Няня не придет — заболела, — выдохнула я. — До бабушек я не дозвонилась.

Он нахмурился, но не от сочувствия, а от досады. Помеха в расписании.

— У меня в восемь встреча с поставщиком щитов, очень важная. Не могу перенести.

— А я в девять должна встретиться с поставщиком лаков, — парировала я. — И тоже не могу. Эта встреча планировалась два месяца!

Мы помолчали, выжидающе смотрели друг другу в глаза. Эта игра в гляделки порядком доставала. Он первый отвел взгляд, скользнул по детям, по мне, и я увидела решение, прежде чем он его озвучил.

— Ты как-нибудь справишься. Договорись с кем-нибудь в салоне. Или срочную няню. Мне пора.

Он налил себе кофе в дорожную термокружку, быстрым движением поцеловал в лоб каждого из детей, даже Полину, которая брезгливо отстранилась, и, бросив на прощание «Удачи», вышел за дверь. Щелчок замка, и я осталась одна. С четырьмя детьми, двум из которых через полчаса в школу, одной в садик, и младенцем на руках.

Последующие минуты слились в хаос. Артем действительно нашел атлас, но не под футболками, а под кроватью, но тут же выяснилось, что Полина забыла дневник в гостиной, а Алиса, оказывается, должна была принести к сегодняшнему дню какой-то особый, кленовый желтый листок, о котором

она «забыла» сказать, а я не проверила родительский чат.

— Мам, а ты мне косу заплетешь? — Алисы тыкала мне в бок расческой.

— Нет, солнышко, не сегодня. Сегодня хвостик.

— Не хочу хвостик! Хочу косу! — ее голос взлетел до ультразвука.

Егор, впечатлившись криком, захныкал. В висках застучало.

— ВСЕ! — рывкнула я так, что все трое замолчали и уставились на меня. — ХВОСТИК! ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ ВЫХОДИМ! Артем, надень уже эти ботинки! Полина, ищи свой дневник активнее! Алиса, подберем лист по пути первый попавшийся!

Каким-то чудом мы вышли в гараж. Я усадила Егора в автокресло, усадила детей, втиснула в багажник чей-то рюкзак и сменку и, чувствуя себя водителем школьного автобуса после ночной смены, тронулась с места.

Сначала в школу с уклоном английского на одном конце города — Полина и Артем. Потом в центр в коммерческий садик — Алиса. Потом, уже в другой конец центра в студию. В пробках. С плачущим на заднем сиденье Егором, которому надоело сидеть в кресле.

Глядя на часы, я понимала, что встреча с поставщиком лаков, если и не сорвана, то безнадежно испорчена. Я опоздаю минимум на двадцать минут. В голове крутилась одна мысль: «На кого оставить Егора?»

Припарковавшись у своего салона, дернула ручку входной двери. У стойки администратора стояла Маша, администратор, с идеальной улыбкой, которая чуть не дрогнула при виде меня. Я стояла на пороге, растрепанная, с ноющим ребенком на руках, в помятой домашней кофте, которая в следах детского пюре.

— Маша, — начала я, и голос мой предательски дрогнул. — У меня ЧП. Няня не пришла... Не могла бы ты... посидеть с ним в моем кабинете, пока я проведу встречу? Хотя бы полчаса.

Она посмотрела на меня, потом на Егора, потом на клиентку, ожидающую мастера в зоне для гостей. В ее глазах читалось и понимание, и легкое недоумение и даже паника. Она была нанята, чтобы создавать безупречный сервис, а не нянчить детей.

— Конечно, Элина Георгиевна, — сказала она, все же найдя в себе профессиональную выдержку. — Только, может, переоденьте его? Он немного... протекает.

Я посмотрела вниз. На моем животе и рукаве расплылось мокрое желтое пятно. Это Победа. Абсолютная и безоговорочная. Я проиграла это утро.

Глава 3 - Королева в мятой короне

Дверь в мой кабинет закрылась, отсекая суету салона и недоуменный взгляд Маши. Я прислонилась спиной к прохладной поверхности, зажмурилась и несколько секунд просто дышала, пытаясь заглушить вой сирены в собственной голове. Егор, переключившись на Машу, и удовлетворенный чистым подгузником совсем перестал плакать. Они сидели на диване и играли с резинками для волос, брелками, в общем всем, что умудрилась найти наша администратор в своей сумочке.

Медленно, словно робот с разряженными батарейками, я подошла к небольшому шкафу. Здесь висело мое второе «я» — безупречные брюки, шелковая блузка, запасные каблуки. Мой символ контроля и порядка. Я сбросила с себя помятую домашнюю кофту со штанами и облачилась в доспехи. Нанесла макияж, скрывающий синяки под глазами, расчесала взлохмаченное каре. В отражении стояла Элина Сереброва — владелица самой успешной студии маникюра и подологии в городе. Только отражение не знало, что королева сегодня едва держится на троне.

Выходя из кабинета, я бросила Маше короткое: «Предупреди, если он заплачет и не сможет успокоиться», — и направилась в переговорную, где меня ждал представитель производителя лаков, Аркадий Ковалев.

Каждый раз, когда я выхожу из своего кабинета и прохожу мимо своих мастеров, мое сердце оживает. Девушки трудятся, оборудование работает. Эстетика, красота, мастерство, взаимное уважение клиентов и персонала — это то, что я хотела достичь и достигла! Даже в такие суматошные, тяжелые дни, осознание своей силы как создателя и управленца дают мне силы.

Войдя в переговорную, которую мы часто использовали для лекций, я расплылась в отрепетированной до автоматизма улыбке.

— Аркадий Давыдович, мои извинения за задержку! Непредвиденные обстоятельства.

Он встал, галантно поцеловал руку. Его восхищенный взгляд скользнул по моему внешнему виду, по уверенной осанке.

— Элина, вы, как всегда, потрясающе выглядите! — воскликнул он. — И ваша студия... это храм красоты! Мне рассказывали, но видеть своими глазами... Вы невероятно сильная женщина, чтобы создавать такое.

Сильная. Да. Именно такой я и должна быть.

Мы обсуждали новые коллекции, текстуры, тренды. Образцы, ценники, сроки производства. Я выбивала для нас лучшие условия по срокам и способам оплаты, параллельно шутила, парировала его комплименты. Мои жесты были точны, голос — ровен и убедителен. А где-то на задворках сознания, словно назойливый москит, жужжала мысль: «Егор.

Что с Егором? Хочет спать, может есть? Плачет?»

Я чувствовала себя мошенницей. Внутри — разбитая, пахнущая молоком и слезами женщина, снаружи — железная леди, которой восхищается бизнесмен. Этот контраст был настолько резок, что начинало тошнить.

Когда Ковалев наконец ушел, осыпая меня комплиментами и обещая прислать лучшие образцы, я снова закрылась в кабинете. Маска упала вместе с улыбкой. Я стояла, глядя в окно на серый город, и чувствовала, как по щекам катятся предательские слезы. От усталости. От этого дурацкого, невыносимого контраста. Маша все видела.

— Элина, вы как?

Молча помотав головой, я смахнула слезы. Надо было звонить. Снова. Я набрала маму.

— Мам, ты не могла бы...

— Доченька, я на даче, у нас тут водопровод лопнул, мужики сантехники что-то накрутили... Ты уж как-нибудь сама.

Свекровь.

— Леночка, я на массаже, записалась за месяц! А потом у меня встреча с подругами. Ты же знаешь, у Андрюши дел невпроворот, надо ему помогать со связями...

Обе отказали. Звонить и срочно искать няню, не поднялась рука. Я не могу доверить незнакомому человеку без подготовки и проверки своего ребенка. Я медленно опустила телефон. Руки дрожали. Я подошла к кофемашине, на-

сыпала двойную порцию, не дожидаясь, пока он полностью приготовится, и сделала первый обжигающий глоток. Горькая жидкость не придала сил, лишь подстегнула нервы.

Решено. Рабочий день закончен. Я собрала разбросанные по дивану вещи Егора и свои, бережно взяла его на руки из рук Маши. Он улыбался кряхтел и сонно тер глаза, уткнувшись носом в мою новую, дорогую блузку, оставляя следы соплей и слюней. Проходя по студии, я ловила на себе взгляды сотрудниц и клиенток. «Смотрите, — казалось, говорили их глаза, — как она все успевает. И бизнес, и ребенок. Восхитительно».

Если бы они знали.

Я уже выходила на улицу, неся Егора, как вдруг телефон завибрировал с особой, назойливой настойчивостью. Не звонок. Напоминание.

«ПРАЗДНИК ОСЕНИ в садике Алисы. 12:30. СРОЧНО!!!»

Ледяная волна накатила на меня с головой. Двенадцать тридцать. Сейчас без пятнадцати час. Я опаздывала на праздник собственной дочери.

Паника, острая и слепая, сжала горло. Я быстро усадила Егора, психуя из за перекрученных ремней автокресла, сама рухнула за руль, запустила двигатель.

— Держись, Алиса, мама уже едет, — прошептала я, лихорадочно выруливая на улицу и пытаясь проложить в навигаторе самый быстрый маршрут.

Одной рукой я держала руль, другой — пыталась дозволиться до Андрея. Он должен быть где-то рядом. Он должен помочь. Хотя бы морально.

«Абонент временно недоступен».

Снова.

«Абонент временно недоступен».

Ещё раз.

«Абонент временно недоступен».

Я с силой швырнула телефон на пассажирское сиденье. Предательски выступили слезы, застилая взгляд. Я смахивала их тыльной стороной ладони, проклиная все на свете: пробки, этот дурацкий праздник, няню, бабушек. Себя. Его.

Я мчалась по городу, нарушая все правила, с плачущим от тряски Егором на заднем сиденье, с размазанной тушью и одним единственным желанием — оказаться не здесь, не в этой сумасшедшей гонке, а в тихой, темной комнате, где можно, наконец, уснуть. И чтобы никто не требовал от меня быть сильной.

Глава 4 - Убежище в дереве

Стоило входной двери нашего семейного гнезда захлопнуться за мной, как я почувствовал две эмоции, сменяющие одна другую. Во-первых, жуткое облегчение, что вырвался от упреков, душных замечаний и выразительных требований взглядов. Во-вторых, чувство вины от того, что испытываю эмоции из первого пункта.

Но я могу и должен переключаться.

Сев в свою машину, воплощаю маленький ритуал — выкидываю из головы все, что не связано с работой. Семью тоже. Эта маленькая минутка концентрации позволила мне достичь за эти годы небывалых высот.

Дорога до офиса прошла легко. Как раз за тридцать минут до часа пик. Идеальный момент — окно, когда светофоры уже перестроились на режим разгрузки дорог, но заторов ещё нигде нет.

— Таня, какой у меня список задач.

Ещё один маленький ритуал перед работой: проверить все задачи, чтобы настроиться на них.

Роботизированный приятный женский голос бодро начала декламировать мои планы на сегодня:

— Здравствуйте, Андрей. Сегодня у вас: встреча с поставщиком щитов, собеседование нового дизайнера, встреча с бухгалтером, также...

Голосовой ассистент прервалась на полуслове от внезапного звонка.

— Серебров слушает.

— Здорова, Андрюха. Как ты? Сто лет не виделись, не слышались. — В трубке прозвучал знакомый раскатистый, словно гром, голос моего школьного друга Тимофея. — Давно тебя не видно на тусовках клуба.

— Да сам понимаешь, работа, жена, дети, дом... — перечисляя все причины моего отсутствия на праздных мероприятиях бизнес-клуба, самому стало грустно.

— Нда, крепко тебя Элина держит за яй...

— Выражения подбирай — грубости я никому в адрес близких не позволю, даже шутя, даже старому другу.

— Понял, понял. Я чего, в общем-то, звоню. Собираемся с мужиками на день отца в баньке оттопыриться, коньячок, бильярд, сауна, может ещё утех каких найдем. М? Тряхнем?

— Ну можно, подумаю, отпишусь. — затея мне не нравилась, но я так давно никуда не ходил.

— Подумай, подумай. А то, видишь ли, жена, дети — они у всех. А жизнь своя личная, она не только вокруг семьи.

С этими словами друг отключился, а я в раздумьях и на автопилоте не заметил, как оказался у нашего офиса.

Свинцовая усталость после встречи с поставщиком медленно наваливалась на меня, но меня ждали ещё важные дела.

Синхронно моей мысли в кабинет робко постучались.
— Войдите.

В кабинет заглянула молодая, очень привлекательная девушка. Мелированная коса с витиеватым плетением спадала с плеча на грудь. Молодую и пышную грудь. В стильном, но простом костюме. Да на такой фигуре любой костюм будет выглядеть, как наряд для порнофильма. Что-то меня ведет... мысленно отсчитываю, когда в последний раз я испытывал удовлетворение. Все эти рукоблудия наедине с собой не считаются.

Тем временем соискательница закрыла за собой дверь, продемонстрировав мне и обратную сторону своей шикарной фигуры. Да... Она явно любит зал и не пренебрегает приседаниями с хорошей нагрузкой. Опять понесло...

Ерзя, аккуратно поправляю ширинку.

— Проходите, присаживайтесь. Виктория. — Взял со стола подготовленное резюме. — Итак, возраст 27, опыт 3 года, маловато...

— Я быстро учусь. И у меня много сертификатов о пройденных курсах и...

— Ваши сертификаты ничего не стоят без вашего портфолио. Есть что показать? — Я оглядывал её сумку, руки в поисках какой-нибудь папки, тубуса, макетов. Но она достала планшет. Как же я забыл, что у нас двадцать первый век, а не вот это все.

Девушка бодро включила планшет и показывала свои ра-

боты, весьма ловко и уверенно переключая слои в программе-редакторе, дабы показать. Работать она умеет не только с фантазией и вкусом, но и отлично ладит с программами. Именно такими, какими мы пользуемся на рынке. Редко какая компания по производству мебели их внедряет, но мы в этом передовики.

Я увидел достаточно. — Решение мной было уже принято, но что-то меня всё-таки смущало. Одна деталь, которую я никак не мог уловить.
 — Я принята?
 — С испытательным сроком. Условия работы все видели? К командировкам готовы?
 — Да. — лаконично ответив, Виктория поправила косу.
 — Хорошо. Пройдите в бухгалтерию. Там вам выдадут все дальнейшие инструкции. Приступаете со следующей недели.

Девушка вышла уверенной походкой, покачивая красивыми бедрами, обтянутыми брюками, подчеркивающими ягодичцы. Нда, надо как-то налаживать сексуальную жизнь. Иначе плохо будет...

Решив всю бюрократическую волокиту, я глянул на часы — полдень. Есть хотелось, и я, выключив телефон, оставил его в шкафу.

Когда ты предприниматель, есть одна вещь, которую ты не можешь доверить никому. У каждого это что-то свое, приносящее удовольствие. У меня это работа с деревом. Экспериментальные образцы.

Конференц-зал и кабинет с их гладкими столами, папка-

ми и бесконечными разговорами о маркетинге, поставках и логистике были чужой территорией. А здесь, в цеху, пахло деревом, лаком и счастьем. Я выключаю телефон, спускаясь сюда на час-другой. Это моя медитация, дающая огромный ресурс.

Я зашел в свою небольшую раздевалку, сбросил сорочку, прилипшую к спине, и дорогие брюки. Надел старые, пропитанные запахом древесной пыли джинсы и простую хлопковую футболку. Дыхание сразу стало глубже. Здесь мне не нужно было быть Андреем Серебровым, успешным владельцем бизнеса. Здесь можно было быть просто Андреем.

Перед тем как надеть защитные очки, я на секунду задержался у зеркала. И снова увидел седину в бороде. Не одну-две волоска для солидности, а настоящую проседь, резко контрастирующую с темными волосами. Когда она успела проступить так явно? Я провел рукой по щеке, ощущая шершавую кожу. Время, черт возьми.

Отвернувшись от зеркала, я подошел к стеллажу, где хранились заготовки. Пальцы сами нашли нужную доску — массив ореха. Отличный сорт. Идеальный аромат.

И память, яркая и безжалостная, как вспышка, накрыла меня.

Мы стоим на складе у моего первого поставщика. Мне двадцать пять, Элине — двадцать три. У нас нет ни денег, ни клиентов, только безумная идея и куча долгов. Она в простых джинсах и кедах, волосы собраны в небрежный хвост,

но глаза горят так, что затмевают все вокруг.

— Андрей, смотри! — она тянет меня за руку к стопке досок. — Это же оно!

— Что? — не понимаю я.

— Наше дерево! — она смеется, и этот звук звенит в ушах. — Орех. Он теплый. Дорогой. И с характером. Как мы.

Она прижимается щекой к шершавой поверхности, закрывает глаза. — Он пахнет... будущим.

Мы тогда купили один единственный массив. На первую выставочную кухню. Мы сами шлифовали его ночами, споря о каждом изгибе, засиживались до рассвета. Мы пахли лаком и кофе, и засыпали прямо здесь, в цеху, на стружках, в обнимку...

Где та девушка? Куда подевался тот парень, готовый ради ее улыбки свернуть горы?

Сейчас наша спальня по утрам — это поле молчаливой войны. Ее взгляд, то пустой и уставший, то требовательный и жесткий, скользит по мне, не задерживаясь. А я просто ухожу. Как сегодня. Оставил ее одну с четырьмя детьми, с нытьем, с кашей, с его бессонными ночами. Словно бегу с поля боя, прикрываясь «очень важной встречей». Бегу от упреков, скандалов и не понимая, что я с этим всем могу сделать.

Я резко развернулся к верстаку, включил шлифовальную машину. Навязчивый вой заполнил цех, заглушив голоса в голове. Я водил диском по дереву, снимая тонкую стружку,

чувствуя, как под пальцами рождается идеальная, бархатистая гладь.

Здесь все было просто. Была задача. Было решение. Шероховатость — шлифовка. Трещина — шпатлевка. Никаких сложных эмоций, никаких обид, которые нельзя выразить словами. Дерево не спросит: «Ты меня еще любишь?». Оно не отвернется к стене, уставшее и безучастное.

Я работал с яростью, сжигая стыд и растерянность. Здесь, среди опилок и лаков, я все еще был королем. Но какая это была жалкая корона, если в собственном доме я чувствовал себя неудачником и чужаком.

Я остановился, выключил машину. В наступившей тишине звон стоял в ушах. Я провел ладонью по обработанной поверхности. Идеально. Абсолютно гладко.

Жаль, что жизнь не кусок ореха. Ее трещины простой шлифовкой не вылечишь.

Глава 5 - Не питать ложных надежд

Взъерошенная, нервная, взведенная как ядерная боеголовка, я готова была взорваться на тысячи мелких осколков. Влетая в актовый зал с сыном, на руках, я застала картину: ребятня в хороводе танцевала со своими мамами и папами. Кто-то снимал происходящее на смартфоны.

Алиса — в простом платье вместо нарядного, без бантиков, с глазами на мокром месте — озиралась по сторонам в поисках меня или отца. Не находила.

Я пробиралась ближе, чтобы быть заметнее. Сын тем временем громко агукал, привлекая всеобщее внимание.

Дочка, поймав мой взгляд, на секунду просияла, но тут же отвернулась, и ее лицо исказилось новой, еще более горькой обидой.

Неудивительно. Я бы тоже расстроилась. Обещали прийти оба родителя, а явился только один, да и то под занавес. Есть от чего чувствовать себя преданной. И теперь непонятно, как это исправить, как вернуть ее доверие.

После праздника я ждала ее в раздевалке. Когда она вышла — все с теми же слегка опухшими, красными глазами, — я по первому порыву ринулась к ней. Но Алиса отвернулась, молча прошла к своему шкафчику и начала одеваться.

— Солнышко, прости меня, пожалуйста. Я очень виновата. Я опоздала на твой утренник, — тихо сказала я. — Но ты же видишь, день сегодня выдался очень сумбурный. Все пошло наперекосяк. Я могу как-то исправить это?

Ребенок посмотрел на меня не по-детски сурово. Откуда у нее этот жесткий взгляд?

— Знаешь, мама, — нарочито деловым тоном, явно кого-то копируя, начала она, — я вообще-то не пливыкла питать ложных надежд относительно обещаний, католые мне дают.

От такого делового и серьезного детского спича я впала в ступор.

— Мы сейчас, — тем временем продолжала дочка, — пойдем в пиццелию. И ты купишь мне большую пиццу. Потом мы поедем за блатом и сестлой. И все вместе поедем домой. А вечелом, пелед сном, у нас с тобой будет сельезный лазгавол.

Тут до меня дошло. Этот взгляд, эта интонация, эти манеры... Моя младшая дочь копировала меня. Я словно смотрела в кривое зеркало. Она делала это неуклюже, коверкая слова, но это была я — та, какой она меня видела в подобные моменты. Это стало для меня горьким открытием: вот как я иногда выгляжу в ее глазах.

В кафе, уплетая пищу за обе щеки, Алиса быстро оттаяла. Ее плохое настроение растворилось без следа, сменясь

восторгом от запрещенной еды и желанием поделиться впечатлениями.

— А ты знаешь, там еще была такая класавица-плинцесса!

— говорила она, размахивая куском пиццы.

— Какая принцесса?

— Плинцесса Осень! У нее такая колона из листьев! Обалдеть! А потом мы еще ходили с листочками, котолые плинесли...

Ах, вот для чего нужны были те самые кленовые листья.

— Мы ходили с листочками и клужились вокруг нее, и танцевали, а потом все плилепили их на одну большую доску. Этот танец у нас получился осенний, большой и класивый. Поедставляешь?

Я слушала ее радостный лепет, и на секунду поймала себя на ощущении хрупкой идиллии. И на легкой грусти — оттого, что мой муж не сидит сейчас рядом, не держит меня за руку и не слушает этот восторженный рассказ.

И словно в ответ на эту мысль, в сумке зажужжал телефон. Достāju. На экране — его лицо на аватаре. Рука замерла. Стоит ли брать? Смогу ли говорить с ним спокойно после всего? Не сорвусь ли снова?

Словно читая мои мысли, моя маленькая принцесса наклонила ко мне и заговорщицким тоном прошептала:

— Папа ведь не плишел? Давай на него вместе обидимся.

Я вздохнула, глядя в ее серьезные глаза.

— Знаешь, Алиса... а давай.

От запретной пиццы и веселья в кафе не осталось и следа. Ощущение вины не отпускало меня ни на секунду. Предстояло забрать старших из школ, и часы безжалостно напоминали, что я уже опаздываю.

— Мама, а можно мы купим тот толт? С клубничкой! — Алиса тыкала пальцем в витрину кондитерской, мимо которой мы бежали к машине.

— Нет, солнышко, нельзя. Мы спешим.

— Но ты же купила пиццу! — ее голос снова начал капризно ползти вверх.

— Потому что я опоздала на твой праздник! — рявкнула я, и тут же пожалела. Егор на руках вздрогнул, а в глазах Алисы снова блеснули слезы. Прекрасно. Просто прекрасно. Я не только плохая мать, но и монстр.

Дальше был ад пробок, нервный бег по мокрому асфальту от одной школы к другой и молчаливые, полные упрека взгляды Полины и Артема, которых я забрала одними из последних.

— Можно, я к Саше? — бросила Полина, едва усевшись в машину.

— Нет.

— Но у нас проект!

— У нас дома есть интернет. И принтер. И все, что нужно.

— Кроме нормального настроения, — пробормотала она себе под нос, уткнувшись в телефон.

Я сделала вид, что не расслышала. У меня не было сил на

еще один спор.

Дома началась вторая часть марафона. Разбросанные рюкзаки, гора грязной посуды в раковине, которую я не успела утром загрузить в посудомойку, и вечный вопрос «Мааам, что есть поесть?».

— Сами сделайте себе бутерброды, — выдавила я, пробираясь с Егором в спальню. Младший сын, наконец, начал клевать носом, и во мне загорелась слабая, но такая желанная надежда — поспать хоть двадцать минут.

Я уложила его в нашу с Андреем кровать, прилегла рядом, закрыла глаза. Блаженная тишина. Тяжесть в веках. Тело начало медленно погружаться в долгожданное забытие.

И тут за дверью раздался оглушительный грохот, следом — душераздирающий рев Алисы и яростный крик Артема: «Она сама полезла!»

Надежда, хрупкая, как стеклышко, разбилась вместе с чем-то на кухне. Я лежала с закрытыми глазами, чувствуя, как по щеке скатывается горячая слеза бессилия. Просто встать и пойти разнимать их не было сил. Абсолютно.

Через несколько минут в дверь просунулась встревоженная физиономия Артема.

— Мам, мы тут... немного подрались. Алиса плачет.

— Я слышу, — тихо ответила я, не открывая глаз. — Разбирайтесь сами. Я не могу. Прямо совсем.

Он что-то пробормотал и удалился. Шум за дверью по-тиху, сменившись приглушенными переговорами. Они пы-

тались справиться без меня. И у них получалось.

Это осознание не принесло облегчения. Лишь новую, острую боль. Они учатся обходиться без меня. Потому что я не справляюсь. Потому что моих сил не хватает на всех.

Мысли медленно расползались, превращаясь в обрывки. «надо заказать продукты... Артему к стоматологу... тот отчет для...» Веки налились свинцом, наконец сомкнулись. Сознание провалилось в липкую, тревожную дрему, где я продолжала бежать по бесконечным школьным коридорам, а чей-то плач все не умолкал.

Меня вырвало оттуда резко, чужой рукой на плече. Я вздрогнула, сердце заколотилось в паническом ритме.

— Эля. Ты что тут в темноте?

Голос Андрея. Грубоватый от усталости, но с ноткой беспокойства. Я с трудом разлепила веки. В спальне было темно, только полоска света из прихожей падала на его фигуру. Егор мирно посапывал рядом.

— Уснула, — прохрипела я, с трудом отличая сон от яви. В горле першило, все тело ломило, словно я не лежала, а таскала мешки с цементом.

— Я вижу. На кухне... похоже, битва была.

Он говорил что-то еще, но слова тонули в вате, в которой превратился мой мозг. Я сглотнула, пытаюсь вернуть сознание в настоящее.

Я кивнула, с трудом оторвав голову от подушки. Тело было ватным, будто после тяжелой болезни. Осторожно, чтобы

не разбудить Егора, сползла с кровати и поплелась за Андреем на кухню.

В гостиной, вопреки его словам, было не так уж тихо. Из-за двери Полины доносились приглушенные аккорды мрачной музыки, у Артема стреляли в компьютерной игре, а из комнаты Алисы — голоса мультфильма. Андрей, проходя, резко распахнул ее дверь.

— Алиса, ты что не слышала? Выключи планшет с мультиками! Артем, немедленно выключай игру и садись за уроки! Сейчас же!

Его голос, привыкший командовать на фабрике, прокатился по дому громовым раскатом. Наступила мгновенная, звенящая тишина, после которой послышалось недовольное ворчание, но звуки действительно стихли.

На кухне царил хаос. Следы «битвы» — крошки, капли варенья, недоеденный бутерброд на столе. Андрей, хмурясь, залил водой пакетики в чашках, даже не вскипятив полноценно чайник. Он поставил передо мной чашку с мутной, тепловатой жидкостью.

Я обхватила чашку ладонями, пытаясь поймать ее скудное тепло. Смотрела на него через стол. На его усталое, отстраненное лицо. И тишина за стенами, которую он так грубо выстроил, давила на уши сильнее любого шума.

— Вообще-то она нас ждала, — наконец сорвалось у меня, голос прозвучал сипло и тихо. — На утреннике. Оглядывалась, искала. А я влетела, когда все уже заканчивалось. С

опозданием на сорок минут. Одна.

Я сделала глоток невкусного чая. Он обжег горло, но внутри оставалась та же ледяная пустота.

— А утром, — продолжила я, и мой голос набирал силу, — когда я одна металась между четырьмя детьми, няней, которая не пришла, и звонками в студию... где ты был, Андрей? На «очень важной» встрече? Ты даже не обернулся, когда уходил. Просто бросил «удачи» и сбежал. Как всегда.

Я говорила ровно, но каждое слово было как зазубренный гвоздь, который я вытаскивала из себя, испытывая и боль, и странное облегчение.

— Ты представляешь, каково это? Обещать ребенку праздник, а потом видеть, как у нее на глазах рушится вера в меня? И в тебя тоже? Потому что ты тоже обещал.

Он молчал, глядя в свою чашку. Его пальцы медленно сжимались и разжимались.

— Мы превратились для тебя в обузу, Андрей? — прошептала я. — В проблему, от которой ты уходишь на работу? В семь тридцать утра?

Андрей тяжело вздохнул, его пальцы сомкнулись вокруг чашки.

— Хорошо. Хорошо, я понял. С Алисой я завтра поговорю. Объясню, — он сказал это так, будто речь шла о срочном звонке клиенту, а не о душевной ране дочери.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Объяснит. Как он собирается «объяснить» свое отсутствие шестилетнему-

ребенку?

— А насчет утра... — он отпил глоток чая и поморщился, то ли от вкуса, то ли от темы. — Эля, я не виноват, что няня заболела. И не я устанавливаю время встреч с поставщиками. У меня деловые договоренности. Ты хочешь, чтобы я все бросил и сидел дома? Бизнес сам себя не сделает.

Он говорил ровно, логично, выстраивая непробиваемую стену из фактов. И за этой стеной было удобно прятаться от простой истины: его семье было плохо, и ему следовало быть рядом.

— Ты думаешь, мне легко? — его голос на мгновение сорвался, выдав напряжение. — Тащить на себе все это? Цех, кредиты, ответственность за сотрудников? А когда я прихожу домой, меня встречают упреками...

Я перестала его слушать. Слово «упреки» стало той последней каплей, что переполнила чашу. Он не слышал ничего. Не слышал боли в моем голосе, не видел усталости, с которой я еле сидела напротив. Он видел только проблему, которую нужно решить: поговорить с дочерью, перечислить свои аргументы.

В спальне раздался плач Егора.

Я отодвинула чашку с недопитым чаем.

— Не надо, — тихо прервала я его. — Не продолжай. Мне все понятно. Больше на твой счет я не буду питать ложных надежд.

Я поднялась на ватных ногах. Мне было физически боль-

но слушать эту отстраненную логику, эту бесконечную защитную речь. В его мире все было просто: дела, договоренности, решения. В моем — плачущая дочь, хаос и чувство, что я медленно тону, а мой муж на берегу кричит мне список причин, почему он не может бросить спасательный круг.

— Я пойду, — сказала я, не глядя на него, и вышла из кухни.

Оставив его одного с его важными делами, его правильными словами и двумя остывающими чашками чая, в которых плавало все, что мы не смогли друг другу сказать.

Глава 6 - Тень сомнения и заточение

Я остыла. Не в смысле чувств, а в плане негативных эмоций, которые улеглись. Катя вернулась с больничного спустя 4 дня, и жизнь начала налаживаться. Более того, даже стала играть новыми красками. А всего-то и нужно было вернуть мне хотя бы полночи сна и часик дневного сна сверху - как вишенку на торте.

 Сегодняшний день, совсем непохож на обычную рутину, ошеломлял сюрпризами. Няня приехала пораньше, и даже помогла с завтраком. Дети без напоминаний собрались в школы, а в студии не случилось ни одного пожара. К вечеру я даже почувствовала подобие спокойствия, разбирая папки с документами на кухне, пока Алиса рисовала рядом.

От Андрея пришло сообщение, что приедет пораньше. Это безумно согревало в моменты работы, и я всё чаще уплывала мыслями во времена, когда были не такими успешными, но гораздо ближе друг к другу. Такие воспоминания грели душу, наполняя восторгом.

Возможно, не все потеряно. Возможно, тот разговор все же задел мужа за живое? Ведь не могут чувства проходить бесследно, а быт, словно кислота, разъедать все взаимоотношения.

Проводив Катю с Егором погулять, я имела твердое намерение, провести немного, хоть капельку времени с Андреем, как муж и жена. Порадовать его.

Сегодня состоялась презентация новой коллекции мебели у партнеров Андрея. Он должен был показать новые образцы. Я машинально взяла телефон, чтобы проверить новости, и большой пост об этом событии тут же всплыл в ленте.

"Блестящая презентация! Благодарим Андрея Сереброва за плодотворное сотрудничество и нестандартные решения!" — гласил заголовок. Под ним — серия фотографий: Андрей в своем лучшем костюме, с деловым, но довольным выражением лица, Андрей, обсуждающий чертежи. И потом... Это что ещё за...? Андрей, стоящий рядом с очень привлекательной девушкой. Мельком пробежалась по подписям фотографий. Новый дизайнер? Вот это поворот!

Девушка была ослепительна. Идеальный каскад светлых, стильно окрашенных волос. Безупречный покрой делового платья, подчеркивал стройную спортивную фигуру. И улыбка — открытая, направленная прямо на него. Но не это впилося в меня острой занозой.

Он улыбался в ответ.

Это была не та сдержанная, дежурная улыбка, которую он держал в запасе для клиентов и деловых партнеров. А широкая, с легкими лучиками морщинок у глаз. Я так давно её не видела в свой адрес... и не вспомнила бы, когда видела в последний раз.

Укол был стремительным и точным, прямо под ребра. Ревность. Он дарил тепло и свет улыбки кому-то другому. На публику, в соцсетях, на работе — неважно. Факт оставался фактом: где-то там он мог быть увлеченным, сияющим, живым человеком. А домой, уж извините, возвращался лишь его уставший двойник.

Я резко потушила экран, словно могла стереть увиденное и отложила телефон. В горле встал ком. Все романтическое настроение как рукой сняло. Недавние слова о «деловых договоренностях» и «ответственности» зазвучали по-новому, горько и язвительно. Да, у него была важная работа. И, видимо, очень приятные рабочие моменты.

 Вскоре послышался звук ключа в замке. Он вернулся. Я не повернулась, делая вид, что полностью поглощена мытьем чашки в раковине.

— Всем привет, — его басистый голос донесся из прихожей. Обычный. Усталый. Впрочем, как обычно.

Он прошел на кухню, потрепал Алису по волосам, подошел ко мне и, как всегда, поцеловал в щеку. Мимо. Быстро. Движение, отточенное годами до автоматизма.

— Как день? — спросил он, открывая холодильник.

— Нормально, — ответила я, глядя в окно на темнеющее небо. — А у тебя? Презентация прошла успешно?

— Да, неплохо. Виктория молодцом, блестяще представила наши общие наработки.

“Виктория” - внутри себя произнесла это имя, коверкая

и гримасничая словно ребенок.

 — Мам, а можно я поиграю на твоём телефоне? — спросила Алиса, разрывая тягостную тишину.

— Конечно, солнышко, — мой голос прозвучал неестественно высоко. Я встала, чтобы налить себе воды, но руки слегка дрожали.

— Я очень за вас рада, — отчеканила я каждое слово, вкладывая в свой тон весь яд, который имею по этому делу. *Ну же! Спроси меня? Ведь ты же слышишь, что что-то не так?*

Он кивнул, уже уткнувшись в экран телефона, и вышел из кухни, что-то бормоча о срочном письме.

А я осталась стоять у раковины. Класс... Напрямую если подойду и начну предъявлять, буду же как дура? *“Извини, дорогой, но так улыбаться ты должен только для меня?”* Бред. Или, может: *“Эй, милый, а ты там со своей крашенной дизайнершей не изменяешь мне?”*. Всё это выглядело чересчур.

Но мои размышления были нарушены Алисой.

— Мама, мама... — Алиса бежала ко мне с широко распахнутыми глазами. — Там бабушка звонит, говорит, что Полина в ментовке. Зовёт тебя к телефону.

Это что, шутка такая? Какая ещё ментовка?

Словно находясь в каком-то сне беру телефон, откуда на меня из динамиков сразу льется истеричный поток ругательств.

— Совсем с ума посходили, трубку не берете! Бедная девочка там совсем одна! Довели ребенка! — Свекровь была импульсивной, эмоциональной, часто паникующей на ровном месте женщиной. Но на сей раз мне не показалось беспочвенной её истерика, которая уже начинала потихоньку передаваться мне.

— Клара Павловна, добрый день. Расскажите, пожалуйста, спокойно, что случилось?

Но эта женщина и не думала успокаиваться.

— Что случилось? Что случилось? Я тебе расскажу, что случилось! Дочь твоя где, а? Я тебя спрашиваю, где Полиночка? Совсем в свои бизнесы заигрались, ребенка забросили! Она в ментовке, её за какое-то хулиганство приняли! Дозвониться до вас не может! Один недоступен, вторая все время занята! Вот зачем вам дорожные телефоны, если вы по ним даже не говорите?

— Погодите, как это в ментовке? Она пошла к подруге, проект делать.

— Ага, шас! В ментовке! Я к ней уже приехала, но мне не отдадут! Говорят, только официальные опекуны или родители могут забрать! Живо езжайте сюда!

— Хорошо, хорошо, скажите адрес!

— Наумовская двадцать четыре. Всё, срочно вас жду!

С этими словами она бросила трубку.
Моя полина в полиции, в участковом пункте. За хулиганство. Моя Полина? Девочка, которая вечно молчит и в тетрадях пишет

грустные стихи? В полиции?

Только тонкий напуганный голос Алисы, которая стояла рядом и наверняка все слышала, вывел меня из ступора.

— Мама, а что такое ментовка?

Но я не стала ей отвечать, ведь нужно срочно торопиться!

— Андрей, — громко крикнула на весь дом — собирайся скорее, нам срочно нужно в полицию.

Глава 7 - Испытание

Мы летим на машине в участок как на пожар, хотя, казалось бы, что еще может случиться? Мама не даст Полину в обиду, она в ней души не чает.

Элина отвернулась к окну. Не разговаривает со мной, не смотрит на меня, даже за руку не держит, как раньше. А у самой руки трясутся, дышит неровно. Ни слова не сказала с тех пор, как мы, отдав все необходимые указания Екатерине, полетели вызволять дочку.

Я понимаю, что ей страшно, непонятно, но какого хрена она молчит, а?

Ну давай, Серебров, предъяви жене в стрессовой ситуации за то, что она молчит. Гениально.

А может, я не хочу, чтобы она молчала? Может, мне нужно, чтобы она сейчас выплеснула все на меня? Потому что лучше на меня, чем на дочь, которая и так варится в хрен знает каких эмоциях.

Только собрался с мыслями что-то сказать, она, словно читая их, поворачивается ко мне.

— Там твоя мама.

Бляха. Вроде помнил об этом, но не связал в голове последствия.

— Я не готова слушать от неё нравоучения, — Элина про-

говорила это почти сквозь зубы. И мне сейчас очень сложно понять, про что эта злость и зажатость. В какой момент она сдетонирует?

— Не будет нравоучений. Ты, главное, на дочь не срывайся. Попробуй сейчас выдохнуть.

Её глаза зло сузились, но говорить она ничего не стала. Надеюсь, прислушается к голосу разума.

Когда мы подошли к участку, на пороге уже слышался визг.

— Она вам что, преступница?! Выпустите немедленно, она же несовершеннолетняя! Не имеете права её удерживать!
— Женщина, успокойтесь. Вы, даже если и бабушка, то никак не опекун, ребенка отдать не могу, — явно утомленный дежурный продолжал работать с бумагами, пока над его душой махала руками и причитала мать. — А будете устраивать шум и беспорядок, то я вас к вашей же внучке и посажу.
— Да как вы смеете? Вы знаете, кто мой сын? — Да, она обожает козырять статусами, хоть никаких статусов у нее и нет.
— Нет, но очень жду знакомства. А вот и они.

Мы вошли с Элиной. Я искал глазами дочь, которая, к моему удивлению, сидела не за решеткой, а преспокойно устроилась на стульчике у стеночки. Как всегда, натянула капюшон черной толстовки так, что лица почти не видно.

Но что-то меня смутило в этой комнате. Вернее, кто-то. Помимо двух пар глаз — дежурного и матери, — на нас

установилась еще одна пара. Они принадлежали женщине в сером, выдавшем виды строгом костюме. Взгляд из-под толстых линз очков не сулил ничего хорошего.

— Добрый день. Мы по вопросу Полины Серебровой. Я отец. Это мать, — указал я жестом на Элину.

— Добрый, добрый. Присаживайтесь.

Элина села к Поле и хотела было обнять ее, но та взбрыкнула, отчего Элина рвано вздохнула, готовая сорваться на рыдание.

Я присел на рядом стоящий стул. Пожал руку.

— Итак, ваша дочь, Полина Андреевна Сереброва, была поймана с поличным на краже в торговом центре. Оказала сопротивление охране. Отказалась подписывать составленный акт. Оклеветала сотрудников магазина, назвав, цитирую: «ебнутой монашкой». Наврала правоохранительным органам при попытке установить личность. У нас есть записи с камер видеонаблюдения, показания свидетелей и акт от представителей магазина. Также при девушке не было обнаружено документа, удостоверяющего личность. Что ж так плохо дочь воспитываете?

Ощущение, что даже лысина у меня запотела. Бросив рассерженный взгляд на Полину, которой, походу, вообще было пофиг на происходящее, я усиленно думал, как нам из этого выкручиваться.

— Будем воспитывать строже, — сказал я, повысив голос, чтобы Полина хорошенько услышала и поняла, во что вля-

палась. — Какое наказание по закону нам грозит, товарищ майор?

— Ну, — лениво начал майор. — Девушке уже есть четырнадцать лет, но кража по факту не состоялась, при этом кража мелкая, до тысячи рублей.

Рука-лицо. Ну что ей могло понадобиться? Чего у нее нет такого, что захотелось украсть?

— А можно узнать, что она украла?

Лицо полицейского приобрело более живой вид, на лице появилась едкая улыбочка.

— Презервативы и Киндер.

Всё! Я в осадке!

— Ну, дочь! — Элина чуть не плачет! Щеки горят от стыда, могу ее понять.

— Ой, господи! Горе-родители! Совсем ребенка запустили, как сорняк. Она и растет, как придется! Небось еще и это... Ой, плохо, корвалол нужен! Я же говорила, что все эти ваши бизнесы — не дело? Женщина должна дома быть! С детьми! — Мать громко высказывала все в сторону Элины.

— Мама, перестань! И без тебя тошно... Так, так. Давайте все выдохнем. Мама, будешь стенать — выйдешь отсюда, — рычу я, пытаюсь прекратить ее вздохи. — Так что с наказанием?

— Ну что, что. Ставим на учет. С представителем по делам несовершеннолетних уже пообщались. Дальше суд решать будет, если администрация ТЦ напишет заявление о

краже. Будем пристально наблюдать, на случай, если ваш ребенок еще раз захочет... развлечься, — гаденькая улыбка так бесит, что хочется стереть ее с его лица. Сильнее. Аж кулаки чешутся. — И еще момент. Ваша дочь самостоятельно позвонила в службу опеки.

— В смысле?

В этот момент женщина строгого вида, до этого не издававшая ни звука, словно ее и не было в помещении, поднялась и подошла к столу дежурного.

— К нам поступило обращение от вашей дочери о том, что она попала в полицию. Что родители ее не хотят забирать, и она не нужна в семье. Подвергается эмоциональному прессингу. Обстановка в семье неблагоприятная.

Ой бя... Ну, Полина!

Тем временем представитель опеки продолжала:

— Мы вынуждены были приехать для проведения обследования по данному делу. Моя задача — зафиксировать факты и результаты наблюдения за вашей семьей. С Полиной мы уже поговорили.
— А вы, собственно, кто? — голос подала Элина. Ее явно «вспенивает» не меньше, чем меня.
Женщина достала удостоверение.

— Звонарева Элеонора Марковна, специалист органов опеки и попечительства вашего района. Мы получили информацию от вашей дочери, а также из органов внутренних дел.

Я ошеломлен. Нет. Я, блядь, в шоке. Какой-то кошмарный

сон. Сюр.
Стараюсь сохранить невозмутимый вид.

— Так. И что теперь? Как нам дочь забрать? Нам штраф положен или что?

— Штраф будет, если напишут заявление о краже. Но привод мы зафиксировали. Дело в подразделение по делам несовершеннолетних подали. Протокол доставления составили, личный досмотр провели. Остальное вам специалист из опеки расскажет. Приедет следователь по делу — проведет допрос. Мне с вас только подписи в протоколе, журнале, документы, подтверждающие личность, и свободны.

Я выразительно смотрю на специалистку в ожидании, что она расскажет что-то шокирующее. Но вперед выступает Элина.

— Правильно ли я поняла, что вы говорили с моим несовершеннолетним ребенком без присутствия родителей и без нашего ведома? — Видно, как жена нервничает, как на виске бьется вена, а лицо красное.

— Во-первых, я уведомила вашу бабушку. Во-вторых, ваше участие при разговоре с ребенком — это ваше право, а не обязанность. В-третьих, я по профессии педагог-психолог. Этого мне более чем достаточно для проведения беседы, — женщина говорила сухо, профессионально, без единой эмоции на лице. — Дело все равно возбудят, хотите вы этого или нет. Инспектор ПДН подключился. На учет поставим. Но самое главное — теперь мы будем приходить к вам, проверять условия жизни ваших детей. Также понадобятся характери-

стики из садов и школ.

Больше с нами не разговаривали. Да и бесполезно. Люди системы — такие же заложники бюрократии. Стучать в человечность бессмысленно.

Дочь с нами говорить отказывалась. Мы так и сидели вчетвером у кабинетов. Выгнать мать из участка было невозможно. Она уперлась рогом.

Спустя часа два ожидания приехал следователь и, взглянув на нас, очень показательно закатил глаза. Молча взял документы, пригласил к себе.

Допрос — как вишенка на торте унижения, состоящего из бесконечных разговоров, досмотров, вопросов и бумаг, — прошел минут за пятнадцать. Полину особо не расспрашивали. Женщина из опеки присутствовала. Благо, мне не приходилось ни на что отвечать, да и Полина держалась молодцом, говорила спокойно и ровно. На нас не оглядывалась — хороший знак. А вот то, что дамочка из опеки что-то неустанно вписывала в заметки на телефоне, меня совсем не радовало.

Единственный, кому это все было тяжело переваривать, — Элина. Она неровно дышала, беспрестанно вытирала подступающие слезы. Для нее, успешной на всех фронтах женщины, было сложно принять эту ситуацию.

Наш позор закончился, и мы прошли к машине. Надо было закинуть маму домой.

Неловкое молчание в машине. Воздух — как желе, густой. Каждый хотел высказаться, но не позволял себе лишнего те-

лодвижения. Терпели.

Наконец мы приехали к дому матери. Она, поджав губы, смотрела на меня долго и строго, лишь изредка переводя взгляд на Элину и Полину.

— Нда, приключение вы себе нажили. Не справляетесь.
 — Недоразумение, разрулим.
 — Нет, сын, — она перебила меня резко и уже готовилась вынести вердикт. — Не справляетесь. Ты подумал, что сейчас с остальными детьми будет? Вам нужна помощь. Я сегодня соберу необходимое и перееду к вам.
 — Тормози, мам. Не надо. Сами, — моя мама и жена терпят друг друга. Иногда улыбаются. Но жить под одной крышей? Не-е-ет...
 — Ты посмотри! Жена в истерике у тебя! Она себя сейчас сыну должна отдавать, а не бизнесам. Вот кто виноват, что Поленьке внимания не достает? А ведь период такой сложный! Всё! Точка! Переезд.
 — Завтра об этом поговорим. Пока, — поцеловав в щеку, проводил ее до подъезда.

Когда дверь захлопнулась за ее спиной, мне резко стало легче.

Сев обратно в машину, вижу, что мои девочки дружно дремлют. Я спокойно выдыхаю. На сегодня испытание пройдено.

Глава 8 - Ресурс иссяк

Утро. Я отменила все встречи в студии, отменила школу для Полины. Сегодня нам предстоит тяжелый день — продирается через тернии, выяснять отношения и бегать по инстанциям. Да мне такое в самом кошмарном сне не могло присниться!

Полина сидит нахохлившись перед миской хлопьев с молоком, медленно водя ложкой по кругу, но не ест.

— Полина, — сажусь напротив дочери, стараясь заглянуть ей в глаза. — Давай поговорим?

— А есть о чем? — ее голос плоский, без эмоций.

— Ну, может, ты хочешь что-то обсудить? Рассказать?

— Нет.

Лицо непроницаемое. В такие моменты она вылитый отец. Вот так просто — «нет». Ребенок заперся, и я, если честно, понятия не имею, что с этим делать.

— Окей, не хочешь говорить — послушай, — слова подбираются тяжело. — Я понимаю, что ты у меня умная девочка. И все мы иногда ошибаемся. Я хочу, чтобы ты знала: я и папа тебя очень любим. Несмотря ни на что. Ты наша дочь, и я всегда готова тебя выслушать и поддержать...

— Ты ошибаешься, — она прерывает мой монолог резко. Глаза наполняются слезами. — Вы меня не любите! Вам вообще нет до меня дела!

— Полина, как ты можешь так говорить?..

— А как еще? — она резко встает, опрокидывая стул. — Вы только и делаете, что работаете! Папа вечно на своих кухнях, а ты — в своем салоне! Алису водите на утренники, Артему помогаете с уроками, Егорку нянчите! А я что? Я вам не нужна! Я вообще есть для вас?

— Это неправда! — пытаюсь я возразить, но она не слушает.

— Вчера ты даже не заметили, что я ушла! А когда вы меня заметили? Только в полиции! Потому что я опозорила вашу идеальную семью! Вам бы просто сделать вид, что ничего не случилось, и забыть!

— Мы волновались! Я не спала всю ночь!

— Да? А папа спал! — выкрикивает она. — И ты бы тоже спала, если бы не этот скандал! Вам важно только то, что про вас подумают другие! А что я чувствую — всем плевать!

Ее слова бьют точно в цель. В этом есть доля правды — болезненной, неприятной правды, которую я сама старалась не замечать. Мне действительно вжано, что подумают другие, я действительно переживаю о нашем статусе. Но она перегибает, сгущает краски, не желая видеть ничего, кроме своей боли.

В этот момент раздается резкий, настойчивый звонок в дверь. Сердце замирает. Обмениваюсь с дочерью встречным взглядом — в ее глазах тот же вопрос. Подхожу к двери, смотрю в глазок. И замираю.

На пороге — свекровь. И не с пустыми руками — рядом стоит средних размеров чемодан.

Открываю. Клара Павловна с порога заявляет:
 — Еле добралась до вас! На самом раннем автобусе прикатила, между прочим! Я предупреждала, все переезжаю к вам на время. Пока вы тут со своими делами разбираетесь, с детьми надо заниматься. Я поживу с вами. Помогу.

У меня подкашиваются ноги. Это кошмар наяву.

 — Клара Павловна, сейчас не самое подходящее время... У нас сегодня...
 — Какая разница, когда? — она переступает порог без приглашения. — Ребенок на учете в полиции! А ты на работу собиралась! Безобразие!

Я лихорадочно достаю телефон, набираю Андрею. Он сбрасывает. Еще раз — снова сброс. Отправляю сообщение: «СРОЧНО ПЕРЕЗВОНИ! ТВОЯ МАТЬ ПРИЕХАЛА С ЧЕМОДАНОМ!». В ответ — тишина.

— Мама, — пытаюсь взять себя в руки, — нам сегодня нужно к психологу, потом к инспектору ПДН со справками... Мы не можем...
 — Идите! — машет рукой свекровь. — А я тут приберусь, обед приготовлю. И с Егоркой посижу. Вы же все равно няню наняли, пусть отдыхает сегодня, деньги сэкономим.

В ее тоне — непоколебимая уверенность. Спорить бесполезно, времени нет.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Оставайтесь. Катя, няня,

должна быть к одиннадцати, она знает расписание детей. Егор ещё спит в кроватке. Мы... мы поехали.

В машине царит гробовое молчание. Полина уткнулась в телефон, я пытаюсь собраться с мыслями. Первый визит — к детскому психологу, к которому нас направили из опеки.

В приемной пахнет кофе и спокойствием, которое мне сейчас недоступно. Пока Полина за дверью кабинета, я пытаюсь урегулировать вопросы в студии через телефон. Голос у меня напряженный, я срываюсь на администратора, потом извиняюсь. Просматриваю уведомления в мессенджере — ни одного сообщения от Андрея. Ни одного! Я набираю его номер в пятый раз. Опять идет на гудки, а потом сбрасывается. В ярости я чуть не швыряю телефон в стену.

Проходит почти час. Дверь наконец открывается. Психолог, женщина лет сорока с мягким, но внимательным взглядом, приглашает меня войти.

— Расскажите, как вы сами оцениваете ситуацию? — начинает она.

— Ситуация, конечно, неприятная, — начинаю я ровным голосом. — Но, я уверена, мы ее разрешим. Полина — умный ребенок, просто сейчас сложный возраст. Мы, конечно, много работаем, но стараемся уделять детям внимание...

Но женщина смотрит на меня так, словно в глазах у нее встроен рентген.

— А как вы? — мягко перебивает она.

— Я? Со мной все в порядке. Я справляюсь.

Она ненадолго замолкает, давая тишине сделать свою работу.
— Знаете, Полина много говорила не столько о воровстве, сколько об одиночестве. О том, что чувствует себя невидимой. Что ее папа живет на работе, а мама... мама, по ее словам, «как робот, который никогда не ломается».

От этих слов во мне что-то обрывается. Комок подкатывает к горлу. Я отчаянно глотаю его, отводя взгляд.

— Я... я просто делаю то, что должна, — мой голос вдруг срывается и становится тише. — Если я сломаюсь, все рухнет. Бизнес, дети, дом...

— А кто позволяет себе позволить это вам? — спрашивает она еще тише.

И этот простой вопрос становится последним метким ударом, от которого мой крепкий фасад крошится кирпич за кирпичом. Наверное, не такой уж и крепкий. Я отворачиваюсь к окну, но предательская слеза уже катится по щеке. Я смахиваю ее с яростью, злясь на свою слабость.

— Простите.

— Не за что просить прощения. Выдерживать такое напряжение — нечеловечески трудно.

Мы еще несколько минут говорим, и каждая ее фраза, лишенная осуждения, заставляет какую-то часть моей брони трескаться и осыпаться.

— Мне кажется, корень проблемы не только в Полине.

Она — симптом системной семейной усталости. Я настоятельно рекомендую вам вдвоем с мужем прийти на парный сеанс. И вам лично тоже нужна регулярная поддержка. Видно, что вы берете на себя неподъемный груз. Так нельзя. Рано или поздно ресурс иссякнет.

«Ресурс иссякнет». Эти слова звучат как приговор. Она права. Я уже иссякаю. Я киваю, не в силах говорить, и выхожу из кабинета.

Следующая остановка — инспекция по делам несовершеннолетних. Мы сидим в сером кабинете, заполняя бесконечные бумаги. Воздух спертый, пахнет пылью и тоской. Полина, нахохлившись, уткнулась в телефон, а я с трудом могу сосредоточиться на анкете.

И тут зазвонил мой телефон. Няня, Катя. Обычно спокойная и жизнерадостная, сейчас она рыдала в трубку так, что я с трудом разбирала слова.

— Элина, вы меня, конечно, извините, но... я... я так не могу...

— Катя, что случилось? Успокойся, дыши глубже.

— Ваша... ваша свекровь... — всхлипывала она. — Она меня выгнала! Сказала, чтобы я убиралась и больше не смела приходить! Обозвала меня... шлюхой! Сказала, что я «подливаю масло в огонь» и кручу роман с Андреем Геннадьевичем!

У меня похолодело внутри. Комната на миг поплыла пе-

ред глазами.

— Она набросилась на меня из-за продуктов! — продолжала Катя, захлебываясь слезами. — Я купила Егору йогурт и яблочное пюре, пока мы гуляли... а она начала кричать, что я транжирю ваши деньги, что я специально его неправильно кормлю! И как он одет! Что он замерзнет! Он был в комбинезоне, на улице плюс десять!

Истерика, которую я так тщательно сдерживала, с новой силой подкатила к горлу. Меня трясло от ярости и бессилия. Я чувствовала, как по щекам текут слезы, и тут же смахивала их тыльной стороной ладони.

— Катя... — мой голос дрожал. — Иди домой. Успокойся. Я во всем разберусь. За сегодняшний день я тебе оплачу вдвойне. Прости, ради бога.

Я положила трубку, закрыла глаза и сделала несколько глубоких, судорожных вдохов, пытаясь проглотить этот новый ком отчаяния.

— Мам, ты чего? — тихо спросила Полина, впервые за сегодня глядя на меня не с вызовом, а с неподдельной тревогой.

— Ничего, солнышко, все нормально, — выдохнула я, с силой сжимая ручку в пальцах. — Просто... рабочий момент.

Но ничего нормального не было. Мой тыл, последний оплот хоть какого-то порядка, был разрушен. Я дописала последнюю строчку в анкете и оставалось только ждать, но нас

принимают быстро. Я молча протягиваю справку и анкету. Инспектор, женщина с усталым лицом, бегло просматривает ее.

— Психолог отмечает высокий уровень тревожности и чувство покинутости у ребенка. Рекомендует семейную терапию. Это к вам, родителям, вопрос, — говорит она, глядя на меня поверх очков.

Такие спокойно произнесенные слова, но ощущаются как пощечина. Я просто киваю. У меня нет сил даже на этот разговор. Конечно, они все правы.

Следующая остановка — школа Артема. Подъезжаем как раз к окончанию уроков. Его классный руководитель, Людмила Сергеевна, увидев меня, делает многообещающий жест.

— Элина Генриховна, как раз вас поджидаю. Артем сегодня за домашнюю работу по математике получил «два». Совершенно не был готов. Вы дома не проверяете, как он учится? У вас, конечно, свои дела, но ребенок запущен.

Ещё “удар”. Она говорит это громко, на глазах у других родителей. Артем стоит рядом, потупившись, ярко-красный. Я чувствую, как жжет щеки. Еще один провал. Еще одно публичное доказательство, что я не справляюсь.

— Спасибо, я поговорю с сыном дома, — выдавливаю я и забираю сына.

Финальный аккорд — садик Алисы. Воспитательница встречает нас с выражением лица, которое я уже научилась узнавать. Что-то и тут случилось.

— Элина Генриховна, Алиса сегодня подралась с девочкой из группы. Из-за игрушки. У той царапина. Мы, конечно, все уладили, но поговорите с дочкой, пожалуйста.

Алиса, увидев меня, бросается обниматься, сияя. Она даже не понимает тяжести всех этих событий. А я смотрю на нее, на Артема, на Полину, которая стоит поодаль, и чувствую, как во мне не осталось ничего.

Ресурс иссяк. Окончательно и бесповоротно.

Мы садимся в машину. Я не завожу мотор, просто сижу, уставившись в одну точку. Сложила руки на руле и просто положила на них голову. Дети притихли, чувствуя грозное напряжение.

— Все, — тихо говорю я. — На сегодня все. Поехали домой.

Домой, где ждет свекровь. Где нет мужа. Где меня ждет очередная битва, на которую у меня больше нет сил.

Я завожу машину. В глазах — пустота. Я просто робот, который выполняет последнюю заложенную программу: доставить детей по указанному адресу. А что будет дальше — понятия не имею.

Глава 9 - Скорая помощь

Дурдом продолжается, и я от него успешно сбегаю.

Сегодня у меня больше энергии. Я отвезла Егора Кате — благо, она, милая, согласилась вернуться после вчерашнего кошмара. Развезла детей по школам и, забив болт на причитания Клары Павловны, уехала на работу.

Да. В салоне хорошо. У меня горят глаза и сердце. Я горю своей студией. Это то место, которое я мечтала создать для людей. Для женщин — чтобы сделать их красивыми при любых обстоятельствах, помочь, оказать профессиональный уход, дать возможность отдохнуть. Для мастеров — чтобы это была не просто работа «маникюрщицы», а место, где ты — специалист, мастер! И отратно видеть, как мои девочки и мальчики приходят сюда с такими же горящими глазами. Им не стыдно работать под моим руководством.

День спокойный, настроение рабочее. Но чего-то не хватает. Ах да. Ощущения безопасности. Оно покинуло меня дома, а сюда я сбежала от свекрови, которая за пару дней «наведения порядков» заставила меня усомниться, была ли я вообще хозяйкой в собственном доме.

И все же, несмотря на кипящую сегодня энергию, усталость прошлых дней четко отразилась на моем внешнем виде. Об этом недвусмысленно намекают и зеркало, и мои мастера, с которыми я проводила планерку, и даже бухгалтер,

заехавшая подать документы и заодно сделать маникюр.

Собираясь за детьми и домой, я мысленно себя настраивала... на что, сама не знала. Состояние достаточно биполярное. То я готова воевать за территорию с мужем и свекровью, то мечтаю откинуть все и посвятить себя только детям.

Остатки ресурса слишком ценны, чтобы не отдать их им.

А еще была одна навязчивая, заманчивая мысль. На душевном подъеме так хотелось порадовать мужа. Приехать без приглашения, как раньше, пообедать вместе, поцеловать... Может, угнать его домой по-тихому, будто мы не сами себе хозяева на работе? А может, запереться в его кабинете и...

Витая в этих облаках, я спускалась со второго этажа студии, где расположены дополнительные помещения и несколько рабочих столов. Не рассчитав шаг, оступилась и чуть не полетела вниз. Но крепкие мужские руки вовремя подхватили меня, не дав феерично шлепнуться на лестницу.

Незнакомец интеллигентной внешности, в очках, светлом кардигане поверх рубашки и современных джинсах, крепко держал меня за талию и очень внимательно смотрел в глаза.

Сердце неистово забилося. Так непривычно и странно — ощущать кого-то из мужчин так близко. Паника и неловкость заставили кровь прилить к щекам.

— Простите! Я не смотрела куда иду! — попыталась я вырваться, но он мягко, но уверенно помог мне встать на ноги, не отпуская сразу.

— Ничего страшного, — его голос был спокойным и приятным. — Главное, что не ушиблись. Вы Элина, владелица студии? Я Марк, записывался на консультацию по проблемам стоп. Кажется, немного рано пришел.

Он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок. И в этот момент я поймала себя на мысли, что это первый искренний, спокойный и доброжелательный взгляд, направленный на меня за последние... сколько уже дней? Неделю? Месяц?

И это было одновременно и приятно, и пугающе.

— Да, я Элина, — ответила я, наконец отступив на шаг и поправив блузку. — Проходите, пожалуйста, в зону ожидания, мастер скоро подойдет, а администратор предложит вам напиток.

— Это, конечно прекрасно, но я бы хотел пообщаться с вами. Найдется у вас время?

— Тогда предлагаю пройти в мой кабинет.

Он кивнул, и мы пошли по коридору. Я чувствовала его спокойное присутствие за спиной — не давящее, но заметное.

— Впечатляющее место вы создали, — раздался его голос, пока я наливала воду. — Здесь особая атмосфера. Чувствуется, что это не просто бизнес.

Его слова снова попали в самую точку.

— Спасибо, — я села за стол. — Вы хотели обсудить...

— Меня зовут Марк, — мягко перебил он, снова пред-

ставляясь. — И, если честно, я уже прочитал журнал с вашим интервью. Вдохновился и принял решение, во что бы то ни стало познакомиться с вами. Мне стало интересно, что движет человеком, который вкладывает в дело не только деньги, но и сердце.

Я замерла, удивленная таким поворотом. После бесконечных разговоров о проблемах, детях и отношениях его вопрос прозвучал как глоток свежего воздуха.

— Движет... — задумалась я. — Желание создать пространство, где люди могут позволить себе быть собой. Где мастер — это художник, а клиент — желанный гость, а не «источник дохода».

Мы проговорили очень долго. О философии бизнеса, о балансе между жесткостью и эмпатией, о том, как не растерять себя в погоне за прибылью. Даже пришлось перенести визит к подологу, так мы были увлечены беседой. И в какой-то момент он снова посмотрел на меня поверх очков.

— Знаете, а ведь по вам видно, как сильно вы горите своим делом. Но также видно, что пламя требует много топлива. Вы сами не забываете подзаряжаться?

Этот простой вопрос застал меня врасплох. Я смотрела на него, и вдруг все притворство, вся броня, за которой я пряталась, растворились.

— Если честно... нет, — тихо призналась я. — Не забываю. Просто... иногда не успеваю. Семья, дети, дом...

— Самые сильные костры часто горят, обжигая сами себя,

— сказал он, и в его взгляде не было ни капли осуждения. — Позвольте тогда дать вам совет не как психолог, а как человек. Сегодня, когда заберете детей, попробуйте не решать их проблемы. Просто побудьте с ними. Без телефона, без списков дел. Иногда это заряжает лучше любых медитаций.

Он встал, оставив на столе свою визитку.

— Спасибо за беседу. И помните: чтобы вдохновлять других, нужно сначала не исчерпать себя до дна. Если захотите продолжить разговор — всегда к вашим услугам.

Марк вышел, а я осталась сидеть, держа в руках его визитку. Голубая, матовая с белым тиснением. Очень лаконичная и стильная. На лицевой стороне «Марк Красов. Психолог. Ваша скорая помощь в трудную минуту». На обратной стороне контакты, сайты, qr код.

Я прокручивала его слова в тишине, наедине с собой.

Впервые за долгое время разговор не был о проблемах. Он был о чем-то светлом, о том, что когда-то зажигало меня. И в этом было странное облегчение. Это очаровывало.

Я перевела взгляд на окно, за которым уже спускались сумерки. Пора было за детьми. И впервые за многие дни мысль о возвращении домой не вызывала чувства тяжести. Может быть, сегодня вечером мы и правда просто посидим вместе. Без войн и выяснений отношений.

Глава 10 - Так себе долг

Круговорот дел захлестнул меня с новой силой. И я правда хотел бы побыть сейчас с семьей, разрулить. С дочерью поговорить. Элину обнять...

Боже, по ощущениям, я не говорил нормально со старшенькой пару лет. Осознание такое больно ранит.

Мама тоже не доставляет радости. Элина от неё в тихом ужасе. А мне и это разрулить некогда.

Но ведь правда? Кто, если не любимая бабушка поможет с внуками, если родители заняты? Не оставлять же их одних? И по хозяйству и помощь какая никакая.

Добивает картинку Виктория. Она проявляет ко мне повышенный интерес. Это чувствуется во взглядах, касаний невзначай, тоне её голоса. И, как любой нормальный мужик, я все вижу и реагирую. Но я же не мудака?

Вот опять, зашла ко мне в мастерскую показывая очередную задумку для подрядчика с крупным контрактом.

— Смотри, Андрей. Если здесь добавим вставку из эпоксидной смолы под изумрудный оттенок, то это дерево заиграет роскошью и лоском. — Она разложила распечатки дизайна на столе передо мной, наклонилась красиво отключив шикарную задницу.

— Ну да. Что-то есть. Вика, а у тебя никого нет?

— В каком смысле? — Она начала наматывать прядь на

палец, аки невинная школьница. Это ей не шло.

— Муж, парень, жених может быть?

— А, не. Мне очень нравится один мужчина, но он, увы, недоступен. — С наигранным предыханием. — Если б он как то намекнул, что все возможно...

— Бывает так. Не все, что мы хотим исполняется. К тому же, вокруг полно мужчин.

— Настоящих крайне мало.

А тем временем возбуждение вдаривает в голову, и быстро закончив в мастерской я сбегаю домой, по пути заехав за букетом.

Хочется Элину. Ласковых рук, нежностей, поцелуев. Хочется чувствовать тепло и нежность её тела, касаться...

Дом встретил меня неестественной, гулкой тишиной. В гостиной сидела Элина, перебирая какие-то бумаги. Она подняла на меня взгляд — потухший, задумчивый и слегка уставший.

— Привет, — сказала она без интонации.

Я протянул ей букет. Она взяла его, машинально понюхала.

— Красивые. Спасибо.

— Соскучился по тебе, — тихо сказал я, не в силах подобрать других слов. Подошел ближе, притянул ее к себе и поцеловал. Ее губы были мягкими, нежными, словно лепестки, но как у робота, словно она выполняла давно заученное движение.

— Дети на улице, мама с Егором гуляет, — прошептала она, чуть отстранившись. В ее глазах не было особых эмоций. Это было холодно. Надо растопить.

— Ммм, какой джекпот. Это шанс, пойдем в спальню? Хочу тебя, — мои губы скользнули по ее щеке. — Только ты и я. Прямо сейчас.

Она кивнула, и вроде бы радоваться, но что-то не так.

— Хорошо.

Мы прошли в нашу комнату. Я щелкнул замком. Одежда слетела на пол быстро, лишь шелестом нарушая гробовую тишину. Ее тело было знакомым до боли, но когда я прикоснулся к нему, она вздрогнула, словно от холода. Ее взгляд был устремлен куда-то поверх моего плеча, в пустоту. Она отвечала на ласки, но это были заученные, автоматические движения. Ни шепота, ни огня в глазах, ни того, что раньше заставляло нас терять голову.

Близость случилась быстро, почти механически. Два тела, выполнявшие ритуал, смысл которого давно утрачен. Когда все закончилось, она тут же отвернулась и поднялась с кровати, надевая белье и домашний костюм.

В прихожей послышался шум от детей.

— Мне нужно проверить детей, — сказала она ровным голосом, и вышла из спальни.

Я остался лежать, глядя в потолок. Мы были так близки физически и так бесконечно далеки друг от друга. Если супружеский долг теперь такой, то не надо мне его отдавать. Я

не хочу его брать таким.

Выходя из спальни после неудачного акта любви, я застал картину, от которой свело скулы. Мама с Егором на руках, расхаживала по кухне и громко расставляла тарелки:

— Вот, прибралась немного, пока вы там это... отдыхали. А то у Линочки, я смотрю, руки доходят только до своих бумажек.

Элина молча разливала суп, глядя в кастрюлю с таким видом, будто надеялась в нем исчезнуть.

Ужин начался в гнетущей тишине. Полина, нахохлившись, ковыряла вилкой в тарелке. Алиса и Артем шикаличь и препирались под столом. Даже Егорка, восседая в детском стульчике для кормления, нервно озераля.

— Суп-то сегодня жидковат, — вздохнула мама. — И лавровый листок забыли. Ты же это не любишь, Андрюша.

— Мне нормально, — я специально сделал глоток супа. — Вполне вкусный суп.

Мама на секунду замолчала, оценивая мой ответ, но быстро нашлась:

— Это ты из вежливости. Линочка, ты бы хоть соль на стол поставила. Хозяйка должна следить.

— О! Зато Вы у нас, Клара Павловна, свет в оконце! Что бы мы делали? А между прочим много соли — вредно для организма!

Элина потянулась за солонкой и поставила ее с гулким стуком об стол. Рука у нее дрожала.

— Мам, хватит, — сказал я тверже. — Элина прекрасно справляется. И соль кому нужно, каждый сам себе достанет или попросит.

Наступила пауза. Мама смотрела на меня с удивлением и обидой. Внутри у меня все сжималось — с одной стороны, я знал, что она хочет как лучше, с другой — видел, как ее слова ранят Элину.

— Что значит «хватит»? — обиделась мама. — У детей уроки не сделаны, по дому бардак... И главное — внимание ребенку не уделяется! Полинка, кушай лучше, а то как тростинка.

Полина резко отодвинула тарелку.

— Я пошла.

— Полина, сядь, — на этот раз мой голос прозвучал увереннее. — Мы все устали. Давай просто поужинаем вместе, как семья.

— Это семья? — фыркнула она и вышла из кухни.

Жена молча встала и пошла за Полиной.

— Элина, куда ты? — возмутилась Клара Павловна. — Сидела бы лучше с мужем! Сама придет.

— Мама, — я прервал ее. — Хватит. Она идет к нашей дочери. Это правильно.

Мама смотрела на меня с таким разочарованием, что у меня заныло под ложечкой. «Предатель», — словно говорил ее взгляд. А где-то в глубине шевелилась мысль: «А может, она и правда просто пытается помочь?»

Через несколько минут Элина вернулась. Ее лицо было каменным.

— Она не хочет разговаривать.

Я подошел к ней и положил руку на плечо.

— Ничего. Давай просто поужинаем.

Мама молча встала и начала убирать со стола, демонстративно гремя тарелками. А я задавался вопросом о меньшем и большем зле для жизни своей семьи.

Глава 11 - Зыбучие пески

Целый день что-то шло не так. Сначала позвонили из «Стил-Групп» — готовы были подписать договор на три кухни для своего нового офиса, а сегодня ни с того ни с сего отказались. Менеджер что-то мямлил про «пересмотр бюджета», но я-то знал этот тон. Вежливая отговорка.

Потом пришло письмо от старых клиентов, Семеновых. Заказывали у нас кухню пять лет назад, хотели теперь для загородного дома. Внезапно — «передумали, спасибо». Уже второй срыв за неделю. Неспроста. Чувствовалось, как почва уходит из-под ног, и это раздражало куда больше, чем сами финансовые потери. Я привык, что все под контролем и работает без дополнительных усилий.

Дверь в кабинет приоткрылась без стука. На пороге — Виктория. В руках планшет, на лице — деловая улыбка, но в глазах хищный блеск, который она уже не пыталась скрывать. Это местами раздражало.

— Андрей, есть минутка? Есть новости, которые поднимут вам настроение.

Она вошла, плавно обойдя стол, и встала рядом, так что я почувствовал легкий шлейф ее парфюма. Навязчивый, цветочный. Элина пахла иначе — чем-то домашним, нежным, родным.

— Смотрите, — она положила планшет передо мной, наклонившись так, что ее волосы почти касались моей руки. А губы слишком близко к моему лицу. — «Северный ветер», крупный холдинг. Им нужна полная комплектация кухонными блоками для десяти филиалов. Десяти, Андрей! Это тот проект, о котором мы мечтали.

Проект и правда был серьезный. Контракт, который мог бы покрыть все текущие потери и вывести компанию на новый уровень. Но глядя на цифры, я чувствовал не энтузиазм, а тяжесть. Еще больше работы. Даже слишком. Это означало еще больше вечеров в офисе. Еще больше отдаления от дома.

— Вика, это отлично, но цифры нужно перепроверить, — я отодвинул планшет. — И сроки очень сжатые.

— Я знаю, — она положила руку мне на плечо. Легко, ненадолго. — Но мы справимся. Вместе. Я готова работать над этим проектом сутками. Только скажите слово.

Ее пальцы слегка сжали мою мышцу. Прикосновение было быстрым, но намеренным. Это очень заманчиво - взять и ответить на её недвусмысленные намеки и посмотреть, к чему нас это могло бы привести. И часть меня, уставшая от домашних ссор и молчаливых упреков, откликнулась на это. Но...

— Хорошо, — я откинулся на спинку кресла, увеличивая дистанцию. — Подготовьте подробную смету. К понедельнику.

Ее улыбка стала еще шире.

— Будет сделано. Не сомневайтесь ни во мне, ни в нас.

Уходить не спешила. Виктория стояла, переминаясь с ноги на ногу и покусывая губы.

— Что-то ещё?

— Да. Кое-что есть. Я немного беспокоюсь. — Такой неуверенный вид, скорее наигранный, чем натуральный, точно давал понять, что я сейчас услышу какой-то подкат.

— О чем же?

— Вы так напряжены... Могу ли я вам как то помочь? Может разгрузить вас? Расслабить... Ну... Чтобы вы могли максимально сконцентрироваться на проекте.

— Спасибо, Вика. Ваша лучшая возможность помочь мне — делать хорошо свою работу. На этом все

Она вышла, оставив в воздухе запах своей уверенности и дорогих духов. А в голове эхом раздавалось её двусмысленное высказывание.

Я сидел и думал о том, что «Северный ветер» может принести не только прибыль, но и окончательный шторм в мою и без того трещащую по швам личную жизнь.

Вечером я заставил себя прийти домой пораньше. Дом встретил меня привычным хаосом. Мама что-то доказывала Элине на кухне, Алиса и Артем бегали по коридору. Я прошел мимо, к комнате Полины.

Дверь была приоткрыта. Она сидела за столом, в наушниках, уставившись в монитор. Я постучал.

— Полина, можно?

Она не обернулась. Я подошел ближе, положил руку ей на плечо. Она вздрогнула и сняла наушник, но не глядя на меня.

— Как дела? — спросил я, чувствуя себя идиотом. Ритуальный вопрос, который никого ни к чему не обязывает.

— Нормально.

— Уроки сделала?

— Да. — Буркнула недовольно дочь, не глядя на меня.

— Может, сходим куда? В кино? Или просто погуляем? Ты раньше любила гулять со мной. — я попытался поймать ее взгляд, но она упорно смотрела в экран.

— Не хочу. У меня дела.

— Какие дела? — в голосе прозвучало раздражение, которого я не сдержал.

Она, наконец, повернулась ко мне. Ее лицо было каменным.

— Учеба. Проект. Или ты хочешь, чтобы меня снова в полицию забрали, раз мне больше нечем заняться? Чего тебе надо?

Нда, такое «общение» с дочерью ни к чему не приведет. Только усугубит.

Слова про полицию ударили сильнее, чем отказ клиентов.

Я видел в ее глазах усталость и разочарование. Но абсолютно не понимал, чем заслужил его.

— Полина, я просто хочу поговорить.

— А я — нет. — Точка. Вердикт.

Она снова надела наушники. Разговор был окончен.

Я стоял посреди ее комнаты, чувствуя себя абсолютно чужим. Чужим в доме, который построил своими руками. Чужим для дочери, ради которой, как я себе внушал, и крутил это бизнес-колесо.

Заходя в кухню, я поймал на себе взгляд Элины. Она молча смотрела на меня, и в ее глазах я прочитал то же самое, что только что видел у Полины: «Мы теряем тебя. И ты теряешь нас».

Ощущение зыбучих песков, которые меня глубоко затягивают.

Глава 12 - Армагеддон

«Ну всё не так уж и плохо, правда? Я жива, здорова. Мои дети живы и здоровы. Это пройдёт. Всё пройдёт», — примерно такие фразы я повторяю вот уже три дня в своей голове каждое утро, пока лежу с закрытыми глазами в постели.

«Я же должна себя любить», «Всё наладится, и будет хорошо» — очередной самообман? Нет, просто если я повторяю что-то такое жизнеутверждающее, мне становится сильно легче и проще воспринимать этот мир с его обстоятельствами.

Сегодня много дел, и я снова должна бороться за своих детей. Каждая мать ведь это делает, правда? Борется за свою семью, но никто этого не видит и не ценит.

А ведь утро и правда неплохое выдаётся! Егор всё ещё спит, и я даже могу тихонечко проскользнуть в туалет, сделать привычную рутину.

Да! Решено!

Никакой армагеддон не пошатнёт мою психику! Сегодня всё будет хорошо.

Накинув халат на свободную пижаму, я аккуратно выполняю в кухню-столовую, где уже суетятся Полина и Артём.

— Доброе утро, дети! Отец уже уехал?

— Да, мама, — недовольно буркнула Полина. — Только что вышел. Просил передать, что сегодня ему кто-то звонил,

но из-за бубнежа Артёма я ничего не разобрала. Вы сами там как-нибудь разберитесь. Ок?

— А я что? — встрял Артём обиженным голосом. — Я повторял теорию по геометрии. Сегодня грозились к доске вызывать.

— Ладно, ладно, разберёмся.

Иду в комнату к Алисе, которая ну ни в какую не хочет просыпаться. Тормошу и зацеловываю, пока доча не начинает открывать свои глазки. Пока растормошила и помогаю одеться, слышу, как свекровь что-то выговаривает детям.

На кухне картина маслом!

Разлитое молоко, крошки. Посуда разбросана. Дети стоят, виновато потупив взгляд, пока Клара Павловна выговаривает за какое-то прегрешение, хотя я совсем не вижу, за что ругать.

— Что здесь происходит? Вы за что моих детей отчитываете?

Алиса пытается прошмыгнуть мимо своей бабушки к холодильнику.

— А ты куда? — хватает её за локоть. — Опять за колбасой для бутербродов!? Хватит! Я сварила геркулесовую кашу — всем садиться и есть!

— Мама, при всём уважении, Алиса завтракает в саду, старшие кашу не любят. И я не люблю. Мы такое не едим.

— А надо бы любить. Иначе никакого здоровья не будет! А не любят потому, что мою кашу не пробовали. Вот сей-

час попробуют и полюбят. Ещё добавки попросят. Привыкли дрянью питаться. Андрюша поэтому тоже и не завтракает дома, потому что вкусной еды нет.

От перехода на личности меня взрывает, но при детях я рычать не решаюсь. Лучше выговаривать тет-а-тет.

И, как назло, в комнате плачет Егорка. Я должна срочно подорваться к нему.

— Дети, ешьте, что считаете нужным. Клара Павловна, мы обсудим вашу кашу позже, когда дети разъедутся по школам и садам. — Я пытаюсь сохранить свой тон более деловым и спокойным. Эмоции при детях ни к чему хорошему не приведут.

— Вы что? Да я старалась, готовила! Впозаранку встала ради вас, чтобы внучата кушали свежую кашу, были здоровы. Эля! Да они же травятся, — обводит рукой стол, морщась, — этой химией. У всех через одного гастриты и язвы!

Она шла за мной в мою комнату и продолжала причитать. Её не остановила ни прикрытая перед её носом дверь моей спальни, ни кормление сына. Ни то, что я переодевалась.

— ...Чего вы добились? Дети совсем распущены. Учатся плохо. Гадость всякую едят. Бизнес она строит. Нужно больше времени дому, детям, главное, мужу уделять. Что ты за женщина? Зачем ты рожала, если на няню спихиваешь? Посмотри на дом, кругом бардак...

Каждое утверждение било точно по болевым точкам. Да, я не кайфую от темы истинной женщины, хозяйки дома. Да,

у меня амбиции и стремление к самореализации. Да, я не эталонная хозяйка и много не успеваю. Я всё это знаю. И совесть от этого моя нечиста, но жить иначе не могу. Такова природа. Такова я.

А все идеалы, что транслируются извне, мне чужды. Умом я понимаю, что невозможно быть во всём успешной. Невозможно все роли вести на пятёрку. Но я пытаюсь. Каждый долбанный день я пытаюсь соединить в себе всё.

Но слышать эти предьявы — это всё равно больно.

Руки трясутся, я чувствую, как удушающие слёзы подкапывают к горлу, создавая тугой комок. Обида душит.

Звонок в дверь, как спасательный круг, и я все силы бросаю, чтобы до него доплыть.

На пороге Катя. Я впускаю её.

— А она что здесь делает? Я тебе велела не появляться в этом доме!

— Клара Павловна! Стоп! Катя — мой человек. Дом тоже мой. Дети тоже мои. Хватит, прошу вас уйти.

Недовольно цокнув языком, свекровь прошла на кухню и начала греметь утварью.

Благо, дети почувствовали всю атмосферу и поспешно ретировались. Благо, Катя сейчас устойчивее меня и может развести детей...

Закрывая дверь за детьми, оставаясь с Егором на руках, я чувствовала, как по лицу бегут слёзы. Почему я, сильная женщина, успешная бизнес-леди, мать четверых детей, сей-

час всё это слушаю? Почему меня это ранит?

Я молча вошла на кухню и усадила Егора.

— Плохо выглядишь, Эля. Немудрено, что твой муж на других засматривается.

Всё.

Меня прорвало, словно плотину. Злые слова, смешанные с обидой и яростью, которые роились в моей голове, вылились в рыдания. Младший сын также заплакал, мгновенно считав весь мой настрой.

— Эля, да ты что? Уж и слова сказать нельзя. Ну поправимо же... — Резко перепугавшаяся и переменявшаяся све-кровь начала меня как-то неловко успокаивать. — Да научу я тебя готовить, помогу с детьми, нормально всё будет.

Но я уже не разбирала. Истерики накрыла меня словно лавина. Ни вздохнуть, ни остановиться. Никаких шансов на вменяемый ответ.

Клара Павловна торопливо, держа в руках плачущего Егора, что-то пытается мне вручить. Стакан с янтарной жидкостью. Пахнет какими-то растениями и самогонкой.

— Пей, пей. Успокоительное на травах. Очень хорошее. Мне подруга с Алтая привезла. Давай, а потом поспишь. Я приберусь и с внуком погуляю часик, пока ты отсыпaeшьcя. Всё нормально. Пей, Эля.

Махом опрокинув жидкость, закидываю следом стакан воды. Иначе бы вообще стошнило. Ощущение, что мне нали-ли какой-то сивухи с ароматом сена. Но то ли действительно

лекарство хорошее, то ли вода подействовала, но я смогла начать успокаиваться, и мои рыдания взхлёб прекратились так же внезапно, как и начались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.